

Прения по докладу К. Симонова и содокладу А. Корнейчука ДЕЛО НАШЕЙ ЧЕСТИ

Тов. К. Симонов правильно подчеркнул, что советская детская литература, будучи составной частью всей советской литературы в целом, исходит из тех же общих задач воспитания активного строителя коммунизма, из которых исходит вся наша литература в целом.

Союз советских писателей нанес, наконец, удар по еще совсем недавно бытовавшей под крышей самого Союза «теории» о том, что у нас нет большой детской литературы, что в детской литературе, якобы, имеют место «застой», «кризис».

В докладе была подвергнута справедливой критике общественная позиция отдельных «маститых» детских писателей, переставшая в самодовольстве, в неведении в новые творческие силы, в сопротивление росту новых молодых кадров в детской литературе.

Тов. К. Симонов активно зашифровал, правильно тезис о необходимости поднимать и разрешать в детской литературе тему труда, являющегося в Советском Союзе делом чести, делом славы, делом доблести и героизма. Он напомнил и ряд других тем, еще живущих своего художественного разрешения в советской детской литературе. Докладчик признал, наконец, ответственность всего Союза советских писателей и его секретариата за неприятие в вопросах детской литературы, имевшее место до самого последнего времени.

Следует пожалеть, что Союз советских писателей не сделал подготовку доклада предметом коллективной работы. Безусловно, обсуждение доклада во вновь созданной детской комиссии и в среде писателей, педагогов, комсомольских и пионерских работников и, наконец, на секретариате Союза писателей устранило бы из доклада, еще до пленума, ряд спорных и неверных положений.

Советская детская литература, как и советская литература в целом, является составной частью новой литературы нового мира, и значение ее давно переросло рамки только нашей страны.

Еще в 1941 г. Центральный Комитет партии потребовал, чтобы издание литературы для детей было поставлено на научно-педагогический и политический учебно-воспитательный задачи школы.

Каждое из этих указаний ЦК ВКП(б), имеющие огромное принципиальное значение, должны были стать руководством к действию не только для издателей, но и для каждого писателя и, в первую очередь, для писательских организаций. Однако первое, что бросается в глаза и кажется почти неправдоподобным, это то, что данное указание ЦК ВКП(б), равно, впрочем, как и все последующие указания партии по вопросам литературы и искусства, ни разу не стали предметом обсуждения в комиссии и в секции по детской литературе при Союзе писателей.

Советская педагогика и советская детская литература неразрывны.

В организмом слиянии проблем педагогики и искусства кроется то, что может быть названо часто употребляемым словом «специфика» детской литературы. В решении этой задачи — большое и плодотворное поле деятельности и для педагогической науки, и для писателей.

Для детской литературы обязательны глубокое понимание советских принципов воспитания, учет требований советской педагогики и психологии, отражающих совершенно новые черты современного советского ребенка, знание реальной жизни и самого ребенка и общественной среды, его окружающей.

Из выступления зам. министра просвещения РСФСР Л. Дубровина

В свете всего сказанного становится особенно ясно, как неправ был тов. К. Симонов, уйдя в своем докладе от анализа того, что составляет особенность именно детской литературы. Правильно остановив внимание на общих вопросах, решаемых всей советской литературой в целом, правильно подчеркнув непустотность и невозможность возмещения перерыва между детской и взрослой литературой, тов. К. Симонов одновременно не подчеркнул того, что отличает собою именно литературу для детей. Не случайно он почти целиком оперировал книгами, написанными для подростков и юношей, почти не заглянув в то, что пишется для самых маленьких.

Бесспорно, что цели и задачи у всей литературы едины, но можно ли забывать о том, что нельзя писать одинаково книги для детей 3—5-летнего возраста и для юношей и девушек, которым полностью доступна вся «взрослая» литература?

Проблема заключается именно в том, как решать в книге для маленьких некоторые общие задачи, как учитывать особенности возраста, как решать применительно к пониманию маленьких некоторые важные и в том числе политические темы. От этого вопроса уходит нельзя. К тому же, именно в этой области, уже не только в постановке, но и в решении этого вопроса советской детской литературе есть чем гордиться. Возьмите, к примеру, то, что не было упомянуто тов. К. Симоновым — поэтическую публицистику для детей в произведениях Сергея Михалкова, его «Быль для детей». Это новое слово в детской литературе.

Тов. К. Симонов, хотел он этого или не хотел (я лично убеждена, что он этого не хотел), увел писателей, пишущих для детей, от решения главной для них темы, темы жизни советской школы.

Дело, конечно, не в том, чтобы спорить о терминах. Дело не в том, чтобы настаивать обязательно на термине «школьная повесть». Дело не в том, что по одному тому, что когда говорится о школьной повести, то имеется в виду отнюдь не только повесть, а и все остальные жанры, и речь идет не о жанре, а о школьной теме, о жизни советской школы, которая до сих пор не имела своего разрешения до конца и своего художественного воплощения в книге для детей.

Как можно сравнивать советскую школьную повесть, скажем, с американской или английской школьной повестью? В той же мере, в какой советская школа строится на принципах, коренным образом отличных от принципов современной реакционной американской и английской школы, в той же мере, насколько противоположна наша советская передовая прогрессивная педагогическая наука реакционной педагогической науке современной Англии и Америки, поставленной не на службу хищнического англо-американского империализма, — столь же различны и противоположны литературные произведения о нашей советской школе и школьные повести Англии и Америки.

Разумеется, если в нашем произведении для детей действительно будут иметь место, как это бывало иной раз в прошлом и как это продолжает иметь место в отдельных случаях и сейчас (скажем, в области научно-фантастической литературы),

действительные элементы преклонения перед иностранщиной, тогда это надо разоблачать, конечно, со всей решительностью и непримиримостью. Но отвергать необходимость школьной повести потому, что, в это понятие можно вложить лишь нечто, напоминающее английские и американские «образцы», это значит не понять, какой огромной темой является жизнь советской школы.

В воспитании и образовании подрастающего поколения школе принадлежит огромная роль. Нашей бедой является то, что мы до последнего времени не сумели повернуть писателей лицом к школе. Не увидев от школы, а, наоборот, сумев показать все богатство школы, всю поэзию педагогического труда, все своеобразие советской школы, заключающееся, в частности, именно в том, что она не оторвана от бурной, ее окружающей жизни, а является составной частью всей советской действительности. Немаловажно создать художественный образ советского человека вне его трудовой и общественной деятельности. В равной же мере невозможно и создание образа советского ребенка вне его учебной жизни, вне пионерской и комсомольской организации, вне школы, вне показа романтики овладения знаниями.

Именно недооценкой жизни школы, в которой дети проводят большую часть времени, где сосредоточены основные интересы подрастающего поколения, только и можно объяснить тот факт, что детская литература долго не имела настоящей повести о современной советской школе. Тем с большим вниманием, казалось бы, надо было отнестись к появлению первых повестей о школе, авторов которых, кстати говоря, пережидая профессиональных писателей, стали решившие овладеть писательским мастерством педагоги.

Однако именно в этом вопросе критика и писательская общественность оказалась не на высоте. Вместо внимательного и требовательного товарищеского разбора первых повестей о школе подверглись уничтожающему разбору с позиций эстетствующего гуманизма. Так случилось с повестью «Вася Трубочкин и его товарищи» В. Осеовой. Выступавшие формалисты, космополиты типа Явля, выступавшие официальные докладчики в комиссии по детской литературе, договаривались при поддержке комиссии и ее руководства (Д. Кассиль и В. Смирнов) то, что школьная повесть вообще не нужна.

Тов. К. Симонов, на мой взгляд, в известной степени противопоставил тему труда теме школы. И с этим тезисом его доклада также нельзя согласиться.

Во-первых, совершенно ясно, что об этом уже здесь говорилось, что учение в школе само по себе есть труд, и это главный труд, к которому призван наш школьник. Почему же эту главную форму труда нужно скинуть со счета? Как можно забыть, что В. И. Ленин и И. В. Сталин многократно ставили задачу перед молодежью — учиться, учиться и еще раз учиться. Почему же эта главная задача обходится молчанием? К труду надо детей бесспорно приучать с самых ранних лет. Но не случайно в указании ЦК партии многократно подчеркивается, что общественно-полезный труд школьников должен быть подчинен учебно-воспитательным задачам.

Но если школьников вовлекают в труд, мешающий учебной работе, такая практика осуждается и не разрешается Центральным Комитетом партии. На основании к учебе прежде всего воспитываются те черты характера, о которых говорил тов. К. Симонов. От отношения к учебе, от постановки обучения и воспитания, в первую очередь, зависит подготовка активных и сознательных строителей коммунизма. Тов. К. Симонов подчеркивал по преимуществу значение труда рабочего и колхозника. Это значение огромно. Но ведь нашей особенностью, особенностью нашей советской действительности, особенностью современного этапа строительства коммунизма в нашей стране и является то, что рабочий у нас сейчас и колхозник наш — это люди, имеющие, как никогда в прошлом, широкую образовательную подготовку. Мы решаем задачу, поставленную товарищем Сталиным, — поднимать уровень рабочих до уровня работников инженерно-технического труда, делать всех рабочих и всех крестьян культурными и образованными. А сделать это без школы невозможно. Основа, которую закладывает у всего населения в области общего образования наша школа, создает благоприятные условия для ликвидации противоположности между физическим и умственным трудом. Трактовка темы труда, суженная тов. К. Симоновым только до ремесленного училища, до работы на производстве или в колхозе, не может быть признана правильной.

Вопрос о научно-педагогической основе детской литературы не есть, разумеется, только вопрос о создании школьной повести. Дело в том, что детская литература как своим произведением и всем многообразным фронтом своих произведений должна содействовать решению важнейшей политической и педагогической задачи современности — воспитанию поколения активных, восторженных строителей коммунизма.

Не может быть никаких послаблений к тому, что делается для детей, как в области содержания, так и в области формы. Литературные произведения для детей, глубокие и значительные по своему идейному содержанию, должны облекаться в правдивую, высокохудожественную форму: это в книге для детей является задачей отнюдь не более простой, а, скорее, более сложной, чем в книге для взрослых.

Задачи, стоящие перед детской литературой, сложны и крайне многообразны. Возрастной диапазон ее очень велик. Пары ее не имеют ограничений: темы ее диктуются и общими задачами воспитания, и необходимостью углубления и расширения объема знаний, даваемых школой, и задачами ознакомления детей с окружающей их действительностью и внутри нашей страны и за ее пределами.

Было бы поэтому наивным и неадекватным думать, что решение этих задач может быть под силу ограниченному кругу писателей. Групповщина, отсутствие критики и самокритики в кругу детских писателей долгое время были тормозом в развитии и росту новых писательских кадров. Преодоление до конца элементов этой групповщины и разрывание критики и самокритики являются необходимым условием для дальнейшего свободного и живого роста детской литературы.

Писатели, и педагоги, и издатели детской литературы, и критики, и Союз советских писателей, и министерства просвещения в долгу у советских детей. Каждая из этих организаций и сам писатель, в первую очередь, должны этот долг оплатить. Это дело нашей чести.

Раскрыть перед юным читателем поэзию нашей действительности

Из выступления А. Мусатова

На тему труда за последнее время появилось ряд книг — «Звездочка» И. Васильева, «Малышок» И. Ликанова, «Бригада смелых» В. Курочкина, «Село Гордице» Л. Воронковой, «Жизнь впереди» М. Никитина. В чем прелесть этих книг? В том, что в них есть радостное ощущение созидательного, творческого труда, зарождение полноты хозяйского отношения к своему делу.

Очень нужную, поучительную книгу написал В. Курочкин. Автор убедительно показал, с какой партийной страстью, настойчивостью и педагогическим тактом готовятся новое пополнение рабочего класса, как с помощью трудового коллектива перевоспитывается юноша, сознание которого не свободно от пережитков старого, индивидуалистического отношения к труду.

О труде, как важнейшем факторе воспитания характера сельских подростков, хорошо рассказывает в своей повести «Жизнь впереди» ростовский писатель М. Никитин. В его книге дети учатся ремеслу, посылку помогают в хозяйстве колхоза.

К сожалению, оба эти произведения не встретили настоящего внимания со стороны критики. Надо признать, что детские писатели поразительно мало сделали, чтобы показать созидательный труд рабочих и колхозников в последовательной стилистической и тем самым вызвать горячее желание у детей продолжать трудовые традиции отцов. До сих пор в детской литературе нет образов героев труда, равных по силе воздействия на юного читателя героям «Молодой гвардии» А. Фадеева, «Повести о настоящем человеке» Б. Полевого, «Два капитана» В. Каверина. Нет достоящих для детей художественных произведений о заводе, шахте, новостройке, о колхозе, МТС, железнодорожном транспорте; о станциях нашей промышленности, о героях Социалистического Труда в сельском хозяйстве. А между тем жизнь наша полна величайших образов и примеров.

В 1949 году Летиза выпустила книгу В. Игнатьева «Мастера идут в лагу» («Шахтеры»), пытаясь ввести ее в круг детского чтения. Повесть по своей теме несомненно

нужна, но написана скучно, вяло, без учета особенностей детского восприятия, она неостаточно позитивизирует труд шахтеров. Поэтому книга не смогла по-настоящему взволновать и увлечь детского читателя.

Проблема литературного мастерства, жизни и увлеченности при решении темы труда должна постоянно быть в центре внимания детских писателей.

В этом отношении очень поучительна для детских писателей повесть П. Павленко «Степное солнце». Писатель с большой художественной силой, исключительным поэтичным выражением радости труда, неутомимое стремление советских людей вперед. Для детского читателя все привлекательно и интересно в этой повести — и образы детей, и взрослых, и картины труда, и новый пейзаж степи.

Детский писатель еще нередко занимается вниманием своего читателя маленькими коммюнистическими историями и событиями. В книгах очень сужен и однообразен круг действующих лиц. Обычно действие происходит в среде интеллигенции. Споры нет, надо рассказывать и о папашах-докторах, и о мамах-хулиганках, и об их единственных сыновьях и дочках, но, право, уже давно пора насыщать страницы детских произведений людьми других профессий — шахтерами, сталеварами, хлеборобами, лесорубами, пирами и глубже показывать наших обыкновенных советских людей, уклад их жизни, их трудовое воспитание.

Наша дети, в отличие от дореволюционного детского читателя, уже не ищут интересного, увлекательного и романтического только за тридевять земель, в необыкновенных приключениях и похождениях. Наоборот, повсюду, будничная советская действительность, трудовые подвиги их отцов и матерей, собственные реальные дела полны для наших детей радости, захватывающего интереса и волнующей романтики.

И то, как не мы — детские писатели, — должны удовлетворить эту жажду детей к современной теме, раскрыть перед юным читателем все величие наших идей, помочь делу воспитания строителей коммунистического общества.

ДНЕВНИК ПЛЕНУМА

30 января продолжал работу XIII пленум Союза советских писателей ЦК ВКП(б). На вечернем заседании состоялся доклад генерального секретаря Союза советских писателей СССР А. Фадеева «О задачах литературной критики».

Вчера начались прения по докладу А. Фадеева. В них приняли участие Б. Платонов (Ленинград), Л. Ошанин (Москва), Ф. Ботта (Екатеринбург), А. Егоров (Москва), В. Борзенко (Белоруссия), И. Чичерин, Г. Николаева (Москва).

Конкурс на лучшую книгу для детей

Заканчивается второй тур конкурса на лучшую художественную книгу для детей. Проводит его Министерство просвещения РСФСР и Летизом. На рассмотрение жюри представлено 518 рукописей, что значительно превышает количество произведений, поступающих в прошлые годы. Уже назидает поступать рукописи на третий тур конкурса, прием которых закончился 1 мая.

Утвержден новый состав жюри конкурса.

В него входят: министр просвещения РСФСР И. Канов (председатель жюри), А. Фадеев и Л. Дубровина (заместители председателя), секретарь ЦК ВКП(б) Н. Михайлов, Н. Невзнов, академик Н. Семанов, член-корреспондент Академии наук СССР А. Егоров, профессор Л. Гиссинс, заслуженный учитель И. Новиков, С. Маршак, С. Михалков, А. Мусатов, В. Смирнов, З. Кедрина, М. Белахова, К. Пискунов, В. Компанец.

РОЛЬ личности директора. Николай Короблев

Короблев, невероятно преувеличен, раздут до баснословных размеров. По роману получается, что любовь к директору является чуть ли не единственным стимулом трудового энтузиазма рабочих и инженеров. Степан Иванович Петров говорит Короблеву о взаимоотношениях, сложившихся между рабочими и администрацией завода по вине бывшего директора Кокорева:

«Почему они его (паша) — В. Е.) почти молча. Только иногда директор задавал тот или иной вопрос, что-то записывал в тетрадку, поглядывая головой на покаянный, точно маня поросят (?)» — тогда Алтыман и Лукин вскидывались на него глаза...» (Кстати, почему именно при этих звуках?)

Быстро «подметив» проиндустриальный оком вредительскую сущность Кокорева, Короблев обрушивает на Лукина и Алтымана, еще недавно бывших яростными защитниками и исполнителями этого плана, град вопросов. Зачем расширялись заводы пехов? «...разве обязательно расширять, например, здание фрезерного? Что у вас — станков прибавилось или вы думаете прибавить?»

Нет. При тех же станках. Но, Николай Степанович, — весьма неуверенно воскликнул Алтыман, — раз расширяем все, нельзя и эти пеха оставлять в старом виде!

Директор снова запоем языком, потом сказал:

— Для паша, что ль? Ну, давайте давайте. — через некоторое время он пометил другое, кроме перестройки зданий пехов, прокладывались новые дороги, — даже не зная зачем... И он опять спросил Алтымана: — А эта дорога для каких нужд?

— Для экскурсий.

— Угу. Хорошо. А зачем ведется вторая ветка со станции? Я вижу, старая не загружена.

— Виллю, на всякий случай, — растерянно ответил Алтыман.

— Так: инженер стал говорить — виллю... А это уже плохо. Ну, а новый станок? Разве на старом не успевают «бодельщики»?.. Молчите, товарищ главный инженер?

— Молчу, Николай Степанович.

В. ЕРМИЛОВ

О ДУРНОМ СОЧИНИТЕЛЬСТВЕ

РОМАН Ф. ПАНФЕРОВА «БОЛЬШОЕ ИСКУССТВО»

Вот Короблев, вновь приступив к исполнению директорских обязанностей, узнает, вместе с другими «ведущими деятелями» завода, план строительства, в свое время разработанный Кокоревым.

«Почему они его (паша) — В. Е.) почти молча. Только иногда директор задавал тот или иной вопрос, что-то записывал в тетрадку, поглядывая головой на покаянный, точно маня поросят (?)» — тогда Алтыман и Лукин вскидывались на него глаза...» (Кстати, почему именно при этих звуках?)

Быстро «подметив» проиндустриальный оком вредительскую сущность Кокорева, Короблев обрушивает на Лукина и Алтымана, еще недавно бывших яростными защитниками и исполнителями этого плана, град вопросов. Зачем расширялись заводы пехов? «...разве обязательно расширять, например, здание фрезерного? Что у вас — станков прибавилось или вы думаете прибавить?»

Нет. При тех же станках. Но, Николай Степанович, — весьма неуверенно воскликнул Алтыман, — раз расширяем все, нельзя и эти пеха оставлять в старом виде!

Директор снова запоем языком, потом сказал:

— Для паша, что ль? Ну, давайте давайте. — через некоторое время он пометил другое, кроме перестройки зданий пехов, прокладывались новые дороги, — даже не зная зачем... И он опять спросил Алтымана: — А эта дорога для каких нужд?

— Для экскурсий.

— Угу. Хорошо. А зачем ведется вторая ветка со станции? Я вижу, старая не загружена.

— Виллю, на всякий случай, — растерянно ответил Алтыман.

— Так: инженер стал говорить — виллю... А это уже плохо. Ну, а новый станок? Разве на старом не успевают «бодельщики»?.. Молчите, товарищ главный инженер?

— Молчу, Николай Степанович.

— Так. Ответил русо рек. Разве оно кому мешает? — и вдруг Николай Короблев так расхохотался, что повалился в сплине вресла, а из глаз потекли слезы. — Пар! Дубовый парк разбивает!

А рядом прекрасный лес. И-и-и... Батюшка мой!

...Лукин было грустно и стыдно: ведь он, увлеченный строительной горячкой, не только подхватил план, но и провел его через партком, через общее собрание коммунистов, комсомольцев, а они доносили план до всего рабочего коллектива...

Нормальную школьную треть-четверть классов ясна сумасшедшая нелепость этого плана. Но, извольте видеть, это почему-то не было ясно ни главному инженеру, ни «партгруппе ЦК», ни всей партийной организации завода, подробно разобравшей план и согласившейся с ним, ни заводскому коллективу в целом, ни министерству, утвердившему план. Все обмануло Кокорев! И — всех просветил Короблев! А без Короблева никто даже не заметил бы, например, такого обстоятельства, что «прокладывались» дороги, ныне — не зная зачем? (?!). Стояла Николай Степанович Короблеву взять в руки этот план, как он мгновенно во всем разобрались и начал хохотать до слез. Короблев — вот это голова! Незаром ему говорят окружающие: «Короблев ты, корабель морской океанский!» Незаром старый рабочий Евстигней Ильич Коробов — восторженно кричит на пиру, угостившем по случаю возвращения Короблева на завод:

«Король уральский явился! Тут наш неопытный!.. Кланяемся мы тебе земным поклоном и просим! Нет! Требуем: бери бразды правления! И, вдруг повернувшись, крикнул: — Иди, Варвара, полав!»

Наперед (?) вышла Варвара, держа в руках на познание большой порт, наверху которого (?) было написано:

«Николай Степанович и Татьяна Яковлевна. Живите со лет. От рабочих сплав-ле».

Так в старое время могли встречать и приветствовать именитых купцов. «Сам» и «сама» сидят в красном углу, а какой-нибудь «истовый» — старший приказчик

истово «вопл», войдя в подальше-кликушеский рай: «Король ты наш! Тут ты наш неопытный! Огней наш — благодетель! Кланяемся мы тебе земным поклоном!»

Стремление автора возмечить Короблеву за счет приписания всех других персонажей объясняет множество странностей, нелепостей, противоречий, «неувязок», которые кажутся, на первый взгляд, лишними какой бы то ни было логики. В романе есть своя «логика»...

Николай Короблев, съездивший в Москву для изучения опыта ЗИСа, по возвращении вносит предложение на совещании «заработать на конвейере еще «минутку», сократить срок выпуска машины. «Это поистине походило на гром среди ясного неба».

Председательствующий Лукин даже подумал:

«Виллю, он все-таки заболел душевно, в галлюцинации (т. е. отключил на курорте)» — В. Е.) следовало бы, — и промолчал.

Вместо него выступил Алтыман, высказав то, что думало большинство.

«Это будет безумие», — пол конеп своей речи резко заявил он и, вилля, как Николай Короблев убаюкивался, еще резче крикнул: — Да! Безумие!..

Алтыман как бы открыл шляпу: после него смело стали выступать инженеры, старые рабочие. Они говорили откровенно, полагая грубого критику предложения директора относительно «минутки», временно испугавшись, а не обидится ли Николай Короблев...»

Словом, Алтыман выразил мысли всех участников совещания о «безумии» предложения Короблева. Что же происходит затем? После окончания совещания все его участники по указанию директора направляются в здание главного конвейера, и здесь Алтыман охотно демонстрирует новые приспособления, привезенные директором из Москвы.

«Вилля!» — сказал Николай Короблев (как фокусник после удачного «но-

мера». — В. Е.), слыша возмущенные голоса присутствующих. — А ведь это не чудо... Показывайте дальше, главный инженер.

Алтыман свел всех вниз и, подойдя к одному из пролетов на конвейере, с восхищением протянул руку:

«Вот».

В итоге этой демонстрации Алтыман спокойно делает резюме, вполне обоснованное реальную возможность осуществления предложения директора относительно «минутки». «Так, вместо четырех рабочих двое и в три раза быстрее», — резюмировал Алтыман. Разумеется, все восхищены и одновременно поражены этой новой демонстрацией неизмеримого умственного превосходства Николая Короблева над всеми окружающими.

Спрашивается: почему же Алтыман, еще до совещания детально ознакомившись с техникой, обосновывавшей полную реальность предложения Короблева, кричал на совещании о «безумии» этого предложения? Ведь выходит, что он сознательно дискредитировал в глазах инженеров и мастеров предложение, разумность которого ему не могла не быть ясной. Возникает и другой вопрос — что это за странное совещание, на котором «поряком» сменяются: сначала вносится предложение без какой бы то ни было мотивировки; затем происходит дальнейшее прения, участники которых развивают подробную аргументацию против предложения, внесенного без мотивировки; и лишь после того, как ораторы таким образом крайне «целесообразно» затравили свои силы, — директор с помощью главного инженера дает, наконец, техническую мотивировку внесенного им предложения. Возникают и другие вопросы, но... стоит ли спрашивать? Ведь уже и без того ясно, что и Алтыман кричит: «безумие!», и Лукин думает о душевном заболевании Короблева, и все участники совещания оспаривают предложение директора, — только для того, чтобы еще и еще раз как можно «эффектнее» продемонстрировать умственное превосходство Короблева над всеми.

Всем ходом романа автор пытается убедить нас в абсолютной неадекватности и исключительности Николая Короблева. Но

чем старательнее стремится автор раздуть своего героя, тем яснее становится фальшь этих странностей. Образ Николая Короблева бесконечно далек от образа подлинного большевика-руководителя.

Товарищ Сталин указывает, что настоящим руководителем является тот, кто умеет не только уметь массу, но и учиться у нее. Решения, которые принимает большевистский руководитель, являются решениями, принимаемыми с учетом различных мнений.

Весь роман написан как будто со специальной целью убедить в том, что Короблеву нет нужды и незачем учиться у массы рабочих, станочников, инженеров. Короблев только делает вид, что учится у них. Вот его «метод руководства». На то совещание, на котором Короблев вносит свое предложение о «минутке», он приходит с заранее готовым решением: по делу того, чтобы создать видимость, что в этом решении учитывал коллектив, он заставил присутствующих спорить: при этом мнения, высказываемые спорщиками, ему не интересны, потому что он уже все сам предпринял.

Может быть, в педагогическом процессе, в воспитании детей до десятилетнего возраста этот «метод» применим. Но в политическом, административном, производственном советском руководстве это в высшей степени фальшивый акт. Между тем, Короблев постоянно ведет себя с руководимыми им людьми, как с малыми ребятами. Коллектив, изображенный Панферовым в виде безликой, отсталой массы, — так и коллектив не способен чему-либо научить Короблева!

Этот коллектив оказался не способным и разоблачить Кокорева. Потому-то Панферов и прибегает к самому лешему и неуклюжему детективу. Кокорев оказывается разоблаченным не вследствие бдительности заводского коллектива, а только по детективной, чисто внешней и к тому же неправдоподобной случайности.

Лукин, после того как он понял чудовищность и вредность Кокорева, говорит:

«Вот потело (!): Кокорев обречен на провал! Может быть, мы не сумеем свав-

ОКОНЧАНИЕ СМ. НА 4 СТР.